

ЧЕРНОЕ И БЕЛОЕ

Ворота,
ведущие на Бранденбург,
Упруго ложася под шины,
Вспыхивает шоссе,
неся на горбу
Рокочущие машины.

Они летят,
друг на друга часев,
Как в голливудской погоне.
И смотрят в испуге
с ворот на шоссе
Смытые взрывом кони.

И вдруг —
скрип из-под колес,
Тормозом скатых прочно;
Американский грузовоз,
Дрогнув,

стал у обочины.
Авто неслось

вереницей длинной,
Свой продолжал бег.
В мотор заглянув,
отошел от машины
И вытащил руку

негр.

Хоть жеста такого
исен язык, —
Шоферы по пыльной дороге
Мчались мимо —
Нью-Йоркский шик! —

На руль закинув ноги...
И только

единственный раз
В которых немолчном рынке
Бросил один,

не сбивая таз:
— Напрасно стоишь,
ниггер!..

Баалось:
сквозь кожу черных щек
Пятнами кровь просочилась...
И вдруг,

покинув машину поток,
Затормозив вдвою
К незнакомому другу спеша.
Негр увидел ясно:

Вместо белой звезды США
Была на капоте —
красная.

Легко,
словно был невесом,
Шагал он, и сердце пело.
Навстречу

с открытым русским лицом
Шел,

улыбаясь,
белый.

Жестами объяснившись едва,
Друг другу
ладони сжали.
И самые искренние слова

Руки
за них
сказали.

Русский
пальцы в мотор запустил,
Лег под шасси
на гравий.

— Не то было
у нас в пути! —
Мигнула.

Сейчас исправим!
Таких людей

негр не встречал,
Изъездив сто тысяч миль.
Он молча

грязные слезы
глотал.

С лица смывавшие пыль.
Вперед подавшись

жидистым телом,
Вглядывался упорно —
Впервые в жизни

работал белый
За него —
за черного.

Шептал он,
робость поборов.
Разинув плечи узкие:

— Сталли! —
единственное из слов,
Которое знал по-русски.

ФЕЛЬТОН

НЕ ПРОВЕДЕШЬ!

Газета «Нью-Йорк геральд трибюн», одержимая стремлением прикрыть каким-либо покрывалом звериный облик воинствующего американского капитализма, предлагает называть его «Экономической демократией», «Взаимопомощью», «Демократическим капитализмом» и т. д.

(Из газет).

Вот он, облиз Уолл-стрита,
Всем известный с давних
пор —

Все честь честь у

бандита:
Пасть кровавая раскрыта,
В ладах факел и топор.
Мысль одна лишь слух
тревожит.

В беспокойстве замер клир:
Хлипкий облик этот может
Отступить от босса мир.
Поизбогатить его нельзя ли?

Что сажаю придумать им,
Чтоб престать он.
Ни кояни,
Благодатели таким.

Ангелочки,
Голубочки,
Беруничичем святым?
...В оброметели озможим
Образили босса винг.

Только тщетны их
страдания.

Никого не обмануть!
Но под белым обличьем
проступает та же суть.
Пасть кровавая раскрыта
В ладах факел и топор.

Хлипкий облик Уолл-стрита
Всем знавший с давних

Рис. В. Вагинова.

Но вот про избогаю мою,
Мы с ним заговорили,
И, восхищенья не тая,
Мы от души сказали он:

— Прекрасна избога твоя,

Таких здесь не бывало!

Вот только жаль — всего одни...

Но времена настанут,

В сады оденется страна,

Садам пустует в Сучане!

Как край таежный распветет,

Ты не представишь даже,

Растя же сал свой, салом!

Народ спасибо скажет!

— Растя свой сал, — сказал Сергей,

Никто его не тронет:

Захватчиков из-за морей

До единого прогоним...

Недаром в гневе встал народ,

Навстречу враждебным ордам!

И вот мой сад растет, цветет,

Брещает с каждым годом.

Моя родная сторона

Шумит, цветет садами...

Так здравствуй, новая весна

С богатыми плодами!

□

Л. ТАНА

Весна коммунизма

Да, мы знаем — весна
но в одном лишь цветущими природы,

К нам приходит она
но одним лишь убором ветвей...

Нам весна — это стройки,
в лесах молодые заводы,

Нам весна — это планы,
дорзаны советских людей.

Знаем; каждый кирпич,
нами вложенный в новое здание,

Каждый колос, созревший
на тучных колхозных полях,—

Это наша весна,
это праздничный гимн созиданию,

Это мы преславляем
родную Отчизну в воках!

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

«Москва — Чайка» — так называется первая книга стихов молодого поэта В. Туркина, недавно вышедшая в Приморском краевом издательстве. Название книги раскрывает главную тему сборника — тему единства, дружбы и братства народов Советского Союза и Китая. Она звучит во многих стихотворениях сборника. С особенной полнотой она выражена в основном произведении книги — поэме «Ди Чай».

Сердце каждого советского человека пренеполено чувством неровней симпатии, дружбы, любви к величественному народу. Советские люди внимательно следили за борьбой китайского народа против чанькайистской банды империалистов и предателей, называемой поддержкой американских империалистов. Советские люди с радостью встретили новость о всемирно-патетической победе китайского народа над гонконгской шайкой, сообщение о промыкавшемся Китайской народной республике. Любовь, разумевая каждой новой победой, сходит с горячей кровью из-за трудовых успехов китайского народа, создавшего новый, свободный и счастливую жизнь.

Вот почему книга В. Туркина сразу привлекает внимание. Мы раскрываем ее с мыслью: что нового скажет нам поэт о Китае? Но может ли он нам те черты жизни Китая, которые еще не известны, не знакомы нам? И когда книга пропитана, хочется сказать: да, поэт сумел показать Китай, его борьбу, его жизнь. Поэт показал образы людей этого Китая.

Как наибольшую задачу В. Туркина, кроме всего, следует считать поэму «Ди Чай». Это — поэма о судьбе разного китайского труда, поэма о тех путях, что привели китайский народ к победе. Эпиграфом к первой главе поэмы

автор
Це-гун
народа,
для поб
да, кро
запада
тику б
читатель
Судь
нов. Сы
новах
и шума
встречал
он виде
холодом
лончи
были ра
шагу от
Он всем
местом
обделен
пока га
жизни —
ретает в
для он
ном за с
ает Ли
бе против
сму о в
дывающи
ает в я
лонских
томиндан
что бори
Чтобы
Чтобы
Он вле
Не счи
Чтоб л
Чтоб т
Он вле
Штык
В поэ
тайского

А. ДРАКОХРУСТ

ЧЕРНОЕ И БЕЛОЕ

Ворота,
ведущие на Бранденбург.
Упруго ложась под шины,
вспыхивает шоссе,
неся на горбу
рекущие машины.
Они летят.

друг на друга часев,
как в голливудской погоне,
и смотрят в испуге
с ворот на шоссе
снятые варыком кони.
И вдруг —
скрип из-под колес,
тормозом сжатых прочно;
американский грузовоз,
дрогнув,

стал у обочины.

Авто неслось
вереницей длинной,
свой продолжая бег.
В мотор заглянув,

отошел от машины
и вытянул руку

негр.

Хоть жеста такого
ясен язык, —
шофера по пыльной дороге
мчались мимо —
ниью-йоркский шик! —

На руль закинув ноги...
и только
единственный раз

в потоках немолчном рыке
бросил один,

не сбивая газ:
— Напрасно стоишь,

ниггер...
Был залог:

слово кожу черных шея.
Патами кровь просочилась...

И вдруг,
закинув машину поток,
затормозил вилло

к незнакомому другу спеша.
Негр увидел ясно:

ФЕЛЬТОН

НЕ ПРОВЕДЕШЬ!

Газета «Нью-Йорк геральд трибюн», одержимая стремлением прикрыть каким-либо покрывалом звериный облик воинствующего американского капитализма, предлагает называть его «Экономической демократией», «Взаимопомощью», «Демократическим капитализмом» и т. д. (Из газет).

Был он, однако, Уолл-стрит,
одна известная с давних пор —

Вместо белой звезды США
была на капоте —
красная.

Легко,
словно был невесом,
шагал он, и сердце пело.
Навстречу

с открытым русским лицом
шел,

улыбаясь,
белый.

Жестами объяснившись едва,
друг другу

ладони скжали.
И самые искренние слова

руки
за них
сказали.

Русский
пальцы в мотор запустил,
лег под шасси

на гравий.

— Не то бывало
у нас в пути! —

Мигнул. —
Сейчас исправим!

Таких людей
негр не встречал,
изъезжив сто тысяч миль.

Он молча
грязные слезы

глотал.
С лица смывавшие пыль.

Вперед подавившись
жилетным телом,

глядывался упорно —
впервые в жизни

работал белый

за него —
за черного.

Шептал он,
робость поборов.

разинув плечи узкие:
— Стали! —

единственное из слов,
которое знал по-русски.

Трехсотые годы у нас в крае
тревожные люди жили..
но вот про яблоню мою,
мы с ним заговорили.

И, восхищенья не тая,
мне от души сказал он:
— Прекрасна яблоня твоя.

Таких здесь не бывало!
Вот только жаль — всего одна..

но времена пастастут,
в сады оденется страна,
садам шуметь в Сучане!

Как край таежный расцветет,
ты не представишь даже,
растя же сад свой, садовои,
народ спасибо скажет!

— Растя свой сад, — сказал Сергей,
никто его не тронет:
захватчиков из-за морей
до единого прогоним...

недаром в гневе встал народ,
навстречу вражьим орядам!

и вот мой сад растет, цветет,
бропает с каждым годом.

моя родная сторона
шумит, цветет садами...

так...

законок.

— сколько? — спросил начальник сме-
ни, отглядывая длинный ряд деталей, об-
работанных Колесниковым.

— двадцать шесть.

— А вторая?

— двадцать пять.

— значит, на погремье?

— на подъеме, Василий Никитич!

начальник цеха достал из кармана ча-
сы и поднес их к глазам Колесникова.

— Законченный. Побеседуй вот с това-
рищем...

в это мгновение под окном цеха загре-
мела длинная очередь пневматического мо-
лотка, и Колесников не рассыпал фами-
лии, которую называл ему Василий Ни-
китич.

...электроварщик. С завода имени
Ильича. По нашей просьбе прибыл,
продолжал начальник цеха. — Опытом по-
делиться. Он тоже на полуавтомате рабо-
тает. Четыреста процентов дает!

Колесников, знакомясь с изводами рабо-
чими, опять отметил про себя, что он уже
где-то встречался с ними, видел это лице —
бы поделился опытом.

и опять уйдя в газах задо-
му, видно, хорошо

мал Колесников, наб-
боты Михаила с уве-
личением призыва

молодому электровар-
щику приехал сюда

и опять уйдя в газах задо-
му, видно, хорошо

мал Колесников, наб-
боты Михаила с уве-
личением призыва

молодому электровар-
щику приехал сюда

и опять уйдя в газах задо-
му, видно, хорошо

мал Колесников, наб-
боты Михаила с уве-
личением призыва

молодому электровар-
щику приехал сюда

и опять уйдя в газах задо-
му, видно, хорошо

мал Колесников, наб-
боты Михаила с уве-
личением призыва

молодому электровар-
щику приехал сюда

и опять уйдя в газах задо-
му, видно, хорошо

мал Колесников, наб-
боты Михаила с уве-
личением призыва

молодому электровар-
щику приехал сюда

и опять уйдя в газах задо-
му, видно, хорошо

мал Колесников, наб-
боты Михаила с уве-
личением призыва

молодому электровар-
щику приехал сюда

и опять уйдя в газах задо-
му, видно, хорошо

мал Колесников, наб-
боты Михаила с уве-
личением призыва

молодому электровар-
щику приехал сюда

и опять уйдя в газах задо-
му, видно, хорошо

мал Колесников, наб-
боты Михаила с уве-
личением призыва

молодому электровар-
щику приехал сюда

и опять уйдя в газах задо-
му, видно, хорошо

мал Колесников, наб-
боты Михаила с уве-
личением призыва

молодому электровар-
щику приехал сюда

и опять уйдя в газах задо-
му, видно, хорошо

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

СЛОВО О НО

«Москва — Пекин» — так называется первая книга стихов молодого поэта В. Туркина, недавно вышедшая в Приморском краевом издательстве. Название книги раскрывает главную тему сборника — тему единства, дружбы и братства народов Советского Союза и Китая. Она заучит во многих стихотворениях сборника. С особенной полнотой она выражена в основном произведении книги — поэме «Ли Чан».

Сердце каждого советского человека преисполнено чувства искренней симпа-

тии поэта к народу Китая. Правда, поэзия Мао Цзэдуна; «В Китае для пролетариата, для народа, для коммунистической партии, для победы революции нет другого выхода, кроме революционной борьбы». Поэт задался целью нарисовать широкую картину борющегося Китая, и это ему в значительной мере удалось.

Судьба Ли Чана — это судьба миллиона. Сын бедного крестьянина, Ли Чан в поисках работы и хлеба идет в большой и шумный портовый город. Но здесь он встречается с такой же нищетой, какую

нашествует на наш бazaar. Гневом американских империалистов, в которых погибание китайского народа является четким, отличным сундуком базара.

Что вам надо, «живите!»

В нашем нашем, где

не сходите с вашего

не ступайте на берег

оборвите свой «египет»

Уходите к себе домой

Правда, в поэме есть

того, чтобы

Чувство чисто —
Нью-Йоркский шик! —
За руль заложив ноги...
И только
единственный раз
В истерзах немолчном рыке
Бросил один,
не сдавля газ:
— Напрасно стоишь,
ниггер!..

ФЕЛЬЕТОН

НЕ ПРОВЕДЕШЬ!

Газета «Нью-Йорк геральд трибюн», одержимая стремлением прикрыть каким-либо покрывалом звериный облик воинствующего американского капитализма, предлагает назвать его «Экономической демократией», «Взаимопомощью», «Демократическим капитализмом» и т. д. (Из газет).

Вот он, оба из Уолл-стрита,
Всем известный с давних
пор —

Все честь-честью у
бандита:
Честь кровавая раскрыта,
В лапах фавел и топор.
Мысль одна лишь слух
тревожит.

В беспокойстве замер клир,
Лицный облик этот может
Отпугнуть от босса мир.
Поизбить его нельзя ли?
Что сейчас придумать им,
Чтоб преистал он.
Их холив,
Благодетелем таким,
Ангелочком,
Голубочком.
Кардинальчиком святым?

...В изобилии одежды
обивали босса вмиг.
Только тщетны их
старанья,
Невозможно обмануть!
Из-под белых сияющих
проступает та же суть.
Почти кровавая раскрыта
В золотом бокале и топор
Литийский облик Юнна-стрита
Всю злодачную с зарынья

3 николаев пор.

Рис. В. Ваганова.

не одним лишь узором ветвей...
Им весна — это стройки,
в лесах молодые заводы,
Им весна — это планы,
дорзаный советских людей.
Наём: каждый кирпич,
нами вложенный в новое здание,
каждый колос, созревший
на тучных колхозных полях,—
это наша весна,
это праздничный гимн созиданию,
это мы прославляем
родную Отчизну в веках!

Никитич отметил время, ушелнее на заднюю. Электросварщик с завода имени Ильича смотрел на обоих, и в уголках его губ таялась улыбка. По этой, почти неуловимой улыбке, Болесников понял, что на заводе имени Ильича зарялка вовсе не делается никаким-то новым, более совершенным способом.

Он включил аппарат. Засверкал глазок электроприбора. Началась сварка. Вот здесь нужно сделать угловой шов. Михаил вспомнил свой прежний неудачи с ним. Сколько он бился над тем, чтобы

акое свойственно
— Все! — услыхал
Никитич, когда спо-
ончена. — 13 мин.
— Да, хороший
огласился электри-
к имени Ильи. — И
есников, при сварке
можалуй, работаем
таким методом. А вот
кассет — открою вам
Михаил с интересом.
— Кассет совсем

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

СЛОВО О НОВЫХ

«Москва—Пекин» — так называется первая книга стихов молодого поэта Турина, недавно вышедшая в Приорском краевом издательстве. Название книги раскрывает главную тему сборника — тему единства, дружбы и братства народов Советского Союза и Китая. Она вучит во многих стихотворениях сборника. С особенной полнотой она выражена основным произведением книги — поэмой Ли Чан».

Сердце каждого советского человека
реполнено чувства искренней симпа-
тии, дружбы, любви к великому китай-
кому народу. Советские люди вниматель-
но следили за борьбой китайского народа
против чанкайшистской банды, изменения-

тор поставил известные слова Мао-
цзэдуна: «В Китае для пролетариата, для
рода, для коммунистической партии,
а победы революции нет другого выхо-
да, кроме революционной борьбы». Поэт
дался целью нарисовать широкую кар-
тину борющегося Китая, и это ему в зна-
чительной мере удалось.

Судьба Ли Чана — это судьба миллио-
в. Сын бедного крестьянина, Ли Чан в
исках работы и хлеба идет в большой
шумный портовый город. Но здесь он
стремится с такой же нищетой, какую
видел в родной деревне. Подлинными
изъявами китайского города являлись
лондонцы и американцы. Китайцы для них
были рабочим скотом. Китайца на работе

нается четкий, отлаженный сунок базара. Гнев американским писателями строки, в которых он описывает решение китайского вопроса посредством пособникам из Китая. Что вам надо, «Китай»? В нашем нищем, Но склоните с теми

Не сходите с вакуумом
Не ступайте на балкон
Оборвите свой «спаситель»
Уходите к себе домой

Правда, в поэме
телось бы, чтобы
образ коммуниста,
в тюрьме. Чересчур
щает поэт на обра-
ты

Чтот создал образы людей нового Китая?

Как наибольшую удачу В. Туркина, прежде всего, следует отметить поэму «Ли Чан». Это — поэма о судьбе рядового китайского труженика, поэма о тех путях, что привели китайский народ к победе. Эпиграфом к первой главе поэмы

Не свистал над согнутой спиной,
Чтоб лицо светилось гордым светом,
Чтоб свободней задышала грудь,
Он идет, чтоб от груши от этой
Штык американский оттолкнуть...

В поэме — много живых черточек китайского быта, картинки Битая. Запоми-

Стихи пронизаны
светской Родине, гор-
ние, светлые чувст-
вование.

Искрение и свежо-
телеграфисте». Это-
ние, небольшой рас-